

ANKASAM

БЮЛЛЕТЕНЬ

30 декабрь 2024
ВЫПУСК: 2024/52

***Рост Китая в секторе
электромобилей (EV) и его
последствия***

20

«Азиатское НАТО»
Против России и
Китая в Азиатско-
Тихоокеанском

34

Балансирующий акт в
Юго-Восточной Азии:
Сотрудничество
Китая и Вьетнама

СОДЕРЖАНИЕ

ANKASAM АНАЛИЗ

- 03** Может ли Европейский союз разработать общую внешнюю политику и политику безопасности?
Erdem Baran ALKAN
- 06** Криптовалютная дипломатия Сальвадора
Ayşe Azra GILAVCI
- 08** От Восточной Европы до Дальнего Востока: Поиск Москвой Регионального Влияния
Ergün MAMEDOV
- 11** Рост Китая в секторе электромобилей (EV) и его последствия
Simay GÜZEL
- 14** Стратегические расчеты израильских операций в Сирии
Ezgi KÖKLEN
- 17** Напряженные отношения между Венгрией и Польшей
Sena BİRİNCİ
- 20** «Азиатское НАТО» Против России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском
Ergün MAMEDOV
- 23** Атлантический диалог: Глобальное видение Марокко и ее региональное влияние
Gökтуğ ÇALIŞKAN
- 26** Торговая война Трампа и отношения с ЕС
Erdem Baran ALKAN
- 29** Культурная Индустрия и Экспорт Японии
İtir BOZDAĞ
- 32** На пороге ли приток турок в США после победы Трампа?
Ali Caner İNCESU
- 34** Балансирующий акт в Юго-Восточной Азии: Сотрудничество Китая и Вьетнама
Berra KIZILYAZI

ANKASAM В СМИ

38 СМИ

ЖУРНАЛЫ

39 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ANKASAM АНАЛИЗ

Может ли Европейский союз разработать общую внешнюю политику и политику безопасности?

Erdem Baran ALKAN

Европейский союз, наднациональная организация, созданная поэтапно после Второй мировой войны под названием «Европейский проект» с целью сделать будущие конфликты практически невозможными, сделал важный шаг на пути к этой цели создания федеративной структуры и учредил общую внешнюю политику и политику безопасности с Маастрихтским договором, вступившим в силу в 1993 году. В 1999 году Амстердамский договор учредил должность Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности, которая была усилена и расширена до должности вице-президента Комиссии Лиссабонским договором в 2009 году. Конституционный договор 2004 года предусматривал создание в организации поста министра иностранных дел, но этот пост не был создан из-за отклонения договора во Франции и Нидерландах в 2005 году.^[1]

Комиссия рассматривается как орган, представляющий ЕС за рубежом. Кроме того, важные обязанности в этом отношении возложены на председателя Совета. Бюджет Комиссии, выделяемый на общую внешнюю политику и политику безопасности, также используется на гражданские вопросы и процессы разоружения, где это необходимо в рамках Комиссии, при этом основная роль отводится Службе внешней политики, которую консультирует Европейская служба внешних действий. Высокий представитель также управляет согласованностью и функционированием внешней политики ЕС и выступает в качестве связующего звена между внешним и внутренним балансом. Эта должность все еще относительно новая, и многие исследователи критикуют назначенных на нее чиновников, считая их малозаметными. Конечно, в силу своей новизны этот пост открыт для критики. Однако очевидно, что так называемая общая внешняя политика и политика безопасности не является общей. Несмотря на общность риторики и задач по вопросам, по которым все страны ЕС проводят схожую политику, нынешняя ситуация способна подмочить репутацию организации, которая называет себя наднациональной.

Наиболее ярким примером таких миссий является операция «Аталанта». Эта миссия называется Военно-морские силы Европейского союза (EU NAVFOR) в Сомали и была создана для борьбы с морским пиратством в Индийском океане у Африканского Рога.[2] Это пример того, чего может достичь любая организация по обеспечению безопасности, если она найдет общий язык. Таким образом, на основании подобных примеров нельзя утверждать, что общая внешняя политика и политика безопасности Европейского союза настолько функциональна, как ожидалось.

Самым ярким примером этого аргумента является поведение стран Европейского союза в российско-украинской войне. Европейский союз, который ввел санкции против России с начала войны, испытывает противоречия и дилеммы внутри себя из-за своей зависимости от России в плане энергетических потребностей. Кроме того, несмотря на то, что в дискурсе занята позиция против России, страны со славянским большинством населения, такие как Венгрия и Словакия, в частности, не выразили свою поддержку санкциям на том уровне, который хотели бы подчеркнуть в организации. В частности, Венгрия поступила иначе, чем другие страны, наложив вето на выделение Украине 50 миллионов евро помощи в начале этого года.[3] В конце концов, в Брюсселе был организован саммит, на котором удалось убедить венгерского премьер-министра Виктора Орбана, и помощь была предоставлена. Этот пример показывает, насколько далека организация от роли партнера, особенно в области внешней политики.

Кроме того, дискурс стран ЕС в израильско-палестинском конфликте различается. Несмотря на важность гуманитарных миссий и общего дискурса против бандитизма, дезинформации и организованной преступности, неспособность организации занять общую позицию в таких важных событиях, которые касаются всего мира, как российско-украинская война и израильско-палестинский конфликт, означает, что Европейский союз ничем не отличается от любой другой организации в этом вопросе.

В такой ситуации единогласное принятие решений по важным вопросам, касающимся безопасности и иностранных дел, является еще одной проблемой, препятствующей проведению общей внешней политики и политики безопасности. Различные интересы, политические культуры и взгляды стран на внешнюю политику делают единогласие практически невозможным. Самой главной причиной этого считаются соображения национального суверенитета стран. Концепция национального суверенитета, которая рассматривалась как проблема на протяжении всего процесса интеграции Европейского союза, до сих пор является препятствием для ЕС на пути к созданию федеративной структуры.[4]

В целом санкции за разногласия в Европейском союзе мягкие, причем не только в области внешней политики и политики безопасности. Они принимают форму штрафов и судебных исков против стран, которые предпринимают действия, несовместимые с их ценностями. Однако в этом отношении важны более точные и решительные санкции. Можно сказать, что средние и малые государства в составе стран-членов используют Европейский союз для экономического развития и для того, чтобы иметь право голоса на международной арене. Интересы взаимны, но Европейский союз уже идет на уступки на высоком уровне. К таким странам относятся Венгрия, Польша при прежнем правительстве и Словакия. В настоящее время не существует процедуры исключения государств, которые постоянно выражают свое несогласие в различных дискурсах и, как считается, хотят использовать ЕС в качестве инструмента развития и репутации, за исключением приостановки членства в случае серьезных нарушений. Для такого приостановления также требуется большинство голосов, что делает ситуацию неопределенной. Поэтому, если взять в качестве примера Соединенное Королевство, для выхода страны из Европейского союза необходимо, чтобы она сама инициировала эти процедуры.

В конце концов, это большая проблема для Европейского союза, который стремится к федеративному устройству. В конечном счете, отсутствие жестких и сдерживающих санкций, таких как исключение из членства в случае несоблюдения ценностей и политики в целях создания федеративной структуры, препятствует этому процессу. Однако Европейский союз строит «европейский проект» медленно и шаг за шагом. Потребовалось 50 лет, чтобы организация стала юридическим лицом в 2009 году, когда был подписан Лиссабонский договор. Это показывает, насколько медленным и консенсусным был процесс. Однако, хотя введение сдерживающих санкций может идти вразрез с принципами ЕС во имя согласия, медленные темпы этого процесса могут также привести к углублению споров внутри организации, что может привести к ее распаду. В качестве примера можно привести недавнее возобновление Германией пограничного контроля. Таким образом, создание общей внешней политики и политики безопасности в контексте федеративной структуры — это долгий и трудный процесс. Но даже с учетом возможности смены правительства этот процесс лишен надежды и, замедляясь, усиливает фрагментацию внутри организации. Сможет ли Европейский союз противостоять этому, еще предстоит выяснить.

[1] Миссия Европейского союза по оказанию помощи на границе в Рафахе, Что такое внешняя политика ЕС, Внешние действия Европейского союза, <https://eubam-rafah.eu/en/node/5063>, (Дата доступа: 17.12.2024).

[2] Операция военно-морских сил ЕС „Аталанта, Внешние действия Европейского союза, <https://eunavfor.eu>, (Дата доступа: 17.12.2024).

[3] Liboreiro, Jorge (2024), Это зашло очень далеко: Страны ЕС выражают отчаяние по поводу вето Венгрии на помощь Украине, euronews, <https://www.euronews.com/my-europe/2024/05/27/it-has-gone-very-far-eu-countries-voice-exasperation-over-hungarys-vetoes-on-ukraine-aid>, (Дата обращения: 17.12.2024).

[4] Taechau, Jan, The Fiva Structural Problems of EU Foreign Policy, Security Politics in Asia and Europe, pp. 73-86, https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=d69ffdb0-3aa3-a7b2-2e8d-67bd2f5868a0&groupId=252038, (Дата доступа: 17.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Криптовалютная дипломатия Сальвадора

Ayşe Azra GILAVCI

Сальвадор впервые в мире объявил биткойн законным платежным средством наряду с долларом США в сентябре 2021 года. Эта амбициозная политика, проводимая под руководством президента Найиба Букеле, позиционирует центральноамериканское государство как испытательный полигон для криптовалютной интеграции на государственном уровне. Эта политика, привлекавшая внимание всего мира, подверглась критике, особенно со стороны Международного валютного фонда (МВФ), сославшегося на финансовые и юридические риски. Последние события, включая соглашение о кредите МВФ в размере 1,4 миллиарда долларов и решение правительства продолжить закупки биткойнов, подчеркивают сложное взаимодействие между национальной криптовалютной политикой и международными финансовыми механизмами.

Закон о биткойнах в Сальвадоре был принят для расширения доступа к финансовым услугам, привлечения иностранных инвестиций и снижения стоимости денежных переводов. Правительство вложило значительные средства в поощрение внедрения биткойна, создав приложение Кошелек Chivo и стимулируя его использование. Кроме того, создание Биткойн-пляжа, туристического центра, где можно совершать операции с биткойнами, было направлено на укрепление репутации страны как криптовалютного хаба.

Несмотря на эти усилия, закон столкнулся с множеством проблем: Волатильность, скептическое отношение общественности и противодействие МВФ. Колебания стоимости биткойна, которые сложнее предсказать, чем у других валют, вызвали финансовые опасения. Кроме того, многие жители Сальвадора, особенно те, у кого нет банковских счетов, выразили нежелание принимать цифровую валюту. МВФ неоднократно предупреждал о макроэкономической нестабильности и призывал Сальвадор ограничить зависимость от биткойна.

18 декабря 2024 года было достигнуто соглашение с МВФ о предоставлении кредита в размере 1,4 миллиарда долларов, что стало важной вехой для экономической стабильности Сальвадора.[1] Однако соглашение предусматривало несколько условий:

- Отказ от политики, связанной с биткойнами.
- Ограничение налоговых платежей долларом США.
- Проведение реформ для обеспечения добровольного принятия биткойна частными предприятиями.

Несмотря на эти обстоятельства, правительство Сальвадора объявило о планах продолжить закупки биткойна и подтвердило статус криптовалюты как законного платежного средства. Стейси Герберт, директор Национального офиса биткойна, подчеркнула стратегическую важность поддержания резервов биткойна[2].

Решительная поддержка биткойна президентом Букеле отражает сочетание внутренних и внешних политических интересов. Одним из основных мотивов является стремление к экономическому суверенитету, поскольку принятие биткойна символизирует отход от традиционных финансовых систем, в которых доминируют такие институты, как МВФ. Кроме того, администрация Букеле стратегически создает популистский имидж, представляя биткойн как инструмент расширения прав и возможностей и инноваций. На глобальном уровне продвижение биткойна в Сальвадоре позиционирует страну как пионера зарождающейся цифровой экономики в надежде привлечь инвестиции и туризм. В то же время настойчивость правительства в проведении этой политики может служить тактической мерой для противодействия возможной критике со стороны сторонников биткойна и поддержания своего авторитета в качестве пионера криптовалют.

Политика Сальвадора в отношении биткойна имеет важные последствия как на глобальном, так и на местном уровнях. Отношения с МВФ остаются непростыми, так как решение продолжить закупки биткойнов может осложнить будущие переговоры. Хотя МВФ недавно заявил, что финансовые риски не «материализовались», его осторожная позиция указывает на то, что опасения по поводу долгосрочной экономической стабильности сохраняются. С геополитической точки зрения, политика Сальвадора бросает вызов доминированию традиционных финансовых институтов и создает прецедент для других стран, рассматривающих возможность интеграции криптовалют, создавая новую основу для экономического развития. Однако эта стратегия может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Укрепляя международную репутацию Букеле как реформатора, постоянный скептицизм общественности может подорвать поддержку внутри страны, особенно если обещанные экономические выгоды не материализуются.

Решение правительства Сальвадора увеличить свои резервы биткойнов совпадает с более широкой тенденцией роста принятия криптовалют во всем мире. Недавние заявления избранного президента США Дональда Трампа о возможном создании стратегического резерва биткойна подчеркивают растущее признание цифровых активов в международных финансах. Укрепляя свои резервы, Сальвадор позиционирует себя в качестве важного игрока в этой развивающейся финансовой среде, стремясь занять выгодную позицию по мере того, как цифровые активы приобретают все большее значение на мировых рынках.

Опыт Сальвадора в области биткойна представляет собой смелый отход от традиционной экономической политики и служит катализатором глобальных дебатов о роли криптовалют в национальных экономиках. Недавнее соглашение с МВФ подчеркивает тонкий баланс между инновационными финансовыми стратегиями и соблюдением установленных международных финансовых норм. Хотя долгосрочные последствия такой политики остаются неопределенными, подход Сальвадора продолжает оказывать влияние на глобальную дискуссию о принятии криптовалют.

[1] IMF Reaches Staff-Level Agreement with El Salvador on an Extended Fund Facility Arrangement», International Monetary Fund, <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/12/18/pr-24485-el-salvador-imf-reaches-staff-level-agreement-on-an-eff-arrangement>, (Дата доступа: 20.12.2024).

[2] El Salvador says it will keep buying bitcoin despite IMF warning, Reuters, <https://www.reuters.com/markets/currencies/el-salvadors-bitcoin-wallet-be-sold-or-discontinued-after-deal-with-imf-official-2024-12-19/>, (Дата доступа: 20.12.2024).овать усилия по восстановлению своей авторитетности как среди граждан, так и внутри государственных институтов.

ANKASAM АНАЛИЗ

От Восточной Европы до Дальнего Востока: Поиск Москвой Регионального Влияния

Ergün MAMEDOV

Война, начатая Россией против Украины в 2022 году, не только изменила геополитический баланс в Восточной Европе, но и оказала влияние на Дальний Восток. Пытаясь противостоять экономическим и дипломатическим последствиям западных санкций, Москва углубила сотрудничество с Китаем и Северной Кореей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, тем самым укрепив своё стратегическое значение в этом районе. Совместные военные учения с Китаем и углубление стратегического партнёрства с Северной Кореей расцениваются как вызов альянсам, возглавляемым США. Одновременно переориентация России на азиатские рынки отражает её усилия по укреплению экономической независимости и созданию альтернативы западным санкциям. Последствия войны в Восточной Европе вызвали значительные изменения в экономическом и оборонном балансе сил на Дальнем Востоке, что оказало долгосрочное влияние на глобальную стратегическую систему.

Президент Южной Кореи Юн Сок Ёль, укрепивший альянсную структуру под руководством США за счёт санкций против Северной Кореи, попыток урегулирования исторических разногласий с Японией и жёсткой позиции в отношении Китая, столкнулся с серьёзным кризисом. Введение военного положения и недостаток поддержки со стороны населения привели к его отставке и ослабили его внешнеполитическое наследие. В случае прихода к власти Демократической партии ожидается изменение внешней политики в сторону диалога с Северной Кореей, более сбалансированных отношений с Китаем и жёсткой позиции по отношению к Японии.[1] Эта ситуация усложняет стратегию альянсов Вашингтона в Северо-Восточной Азии и создаёт значительную неопределённость в региональной безопасности и торговых динамиках. Прогресс в отношениях с Японией не получил широкой общественной поддержки, а жёсткая риторика Юна в адрес Китая вызвала критику со стороны международного сообщества.

Эти критические замечания затрагивают не только экономическую и дипломатическую мощь Китая, но и ставят под сомнение устойчивость альянсов под руководством США в регионе. Оперативный подход администрации Трампа и неопределённость в отношении региональных альянсов привели к восприятию политики Юна как наследия, которое одновременно бросает вызов долгосрочной стабильности и демонстрирует смелость.

Совместные военные действия Китая и России вокруг Южной Кореи оцениваются как явный признак усиливающейся борьбы за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Девятая совместная стратегическая воздушная патруль, проведённая 30 ноября 2024 года над Японским морем, стала яркой демонстрацией координированных военных возможностей двух стран.[2] Участие стратегических бомбардировщиков Н-6N подчёркивает стремление двух стран усилить свои военные технологии и возможности проецирования силы. Эти действия были направлены как явное сдерживающее сообщение против планов США по размещению ракет средней дальности в Японии. Однако такие операции были восприняты Тайванем и Южной Кореей как провокационные и угрожающие. Жёсткая реакция Южной Кореи на нарушения её зоны идентификации противовоздушной обороны, включая поднятие истребителей, ещё больше усложнила и без того хрупкий баланс безопасности в регионе.

Операции Китая и России не ограничиваются только проверкой их военных возможностей, но также рассматриваются как стратегический вызов альянсам под руководством США. Эта ситуация обладает потенциалом переопределения регионального баланса сил и оказания глубокого влияния на глобальные стратегические уравнения. Совместная деятельность Китая и России подталкивает союзников США в регионе к поиску более тесного сотрудничества, одновременно углубляя нестабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Углубляющееся стратегическое сотрудничество России с Северной Кореей имеет долгосрочный потенциал для воздействия на баланс сил в Северо-Восточной Азии. Активная поддержка, предоставленная Пхеньяном Москве в виде более чем 11 000 солдат в рамках войны в Украине, а также расширение этой поддержки за счёт артиллерийских боеприпасов и ракетных возможностей, демонстрируют масштаб стратегической зависимости между двумя странами.[3] Это партнёрство частично ослабляет международную изоляцию Северной Кореи, одновременно способствуя усилиям России по преодолению западных санкций. Жёсткая позиция Пхеньяна, считающего свою ядерную программу не подлежащей обсуждению, серьёзно ограничивает возможности политики США и их союзников по этому вопросу. Такое сотрудничество не только усложняет стратегию США по сдерживанию Китая и Северной Кореи, но также несёт риск провоцирования гонки вооружений в регионе. Ответом США на эти изменения стало усиление безопасности с Южной Кореей и Японией, что имеет решающее значение для поддержания региональных альянсов. Однако совместные военные манёвры России и Северной Кореи подвергают испытанию это сотрудничество и усложняют стратегическую позицию США в регионе.

С другой стороны, одна из ведущих держав региона — Индия — продолжает сохранять и укреплять свои стратегические отношения с Россией, несмотря на давление со стороны Запада. На межправительственном заседании Комиссии по военно-техническому сотрудничеству Индии и России в Москве в 2024 году Индия чётко дала понять о своей приверженности продолжению стратегического партнёрства с Россией.[4] После начала войны в Украине импорт нефти из России в Индию увеличился на 40%, что подчёркивает экономическое измерение этой стратегической зависимости. Однако растущие транспортные расходы и сокращение скидок на нефть вынуждают Индию искать альтернативные источники, такие как США. Снижение импорта вооружений из России связано с политикой Индии, ориентированной на развитие местного производства. Угрозы санкций со стороны США усилили опасения Индии за её суверенитет и укрепили требования о независимости во внешней политике. В этом контексте Вашингтону необходимо принять более прагматичный подход, учитывающий исторические связи Индии с Россией. Кроме того, роль Индии в качестве посредника в украинском кризисе рассматривается как критически важный шаг для сохранения стратегического баланса в регионе.

Более 70% экспорта российских промышленных товаров направлено в Азию, что рассматривается как часть стратегии по компенсации западных санкций и интеграции в азиатские рынки.[5] Увеличение торговли с крупными экономиками, такими как Китай, Индия и Южная Корея, способствует сохранению экономической активности России, однако такая зависимость делает Москву более уязвимой в экономическом плане. В то же время предложение премьер-министра Японии Исибы Сигэру о создании коллективного оборонительного альянса, аналогичного НАТО, воспринимается как вызов стратегическим интересам России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако нельзя игнорировать потенциал углубления военных и экономических связей России с Китаем в ответ на эту инициативу.

В этом контексте стратегия России, охватывающая как Восточную Европу, так и Азиатско-Тихоокеанский регион, формирует новые рамки сотрудничества в области безопасности и экономики. Однако динамика в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится всё более сложной на фоне стратегической конкуренции между Россией, Китаем, США и региональными игроками. Стратегии, проводимые каждым из этих государств, имеют потенциал для переопределения регионального баланса сил, однако их долгосрочные последствия остаются неопределёнными.

После начала войны в Украине Москва усилила своё влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе как стратегический ответ на западные санкции. В этом контексте углубление военного сотрудничества с Китаем и Северной Кореей рассматривается как часть стратегии балансирования альянсов под руководством США. Военная поддержка, оказанная Северной Кореей России в войне в Украине, демонстрирует превращение отношений двух стран в взаимную стратегическую зависимость. Однако это сотрудничество несёт риск дальнейшего обострения гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что угрожает региональному балансу безопасности. Кроме того, переориентация России на энергетическую торговлю с крупными экономиками, такими как Китай, Индия и Южная Корея, укрепляет её интеграцию в азиатские рынки, углубляя взаимозависимость с этими странами. Однако такая ситуация делает Москву более уязвимой, особенно по отношению к таким крупным игрокам, как Китай.

Поиски Южной Кореей стратегии балансирования в ответ на эти динамики могут изменить геополитические уравнения в регионе. Дистанцированность администрации Трампа от многосторонних механизмов безопасности, таких как НАТО, и возможный переход США к более прагматичной стратегии в регионе могут стимулировать Южную Корею к развитию сбалансированных отношений с Китаем и Россией. Сеул может рассмотреть возможность перезагрузки отношений с Москвой, однако такой шаг может быть обусловлен смягчением военных связей между Россией и Северной Кореей. Энергетическая безопасность Южной Кореи и её опасения по поводу региональной изоляции делают такой сценарий более вероятным. Этот сценарий показывает, что, несмотря на поиск стратегических возможностей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, многосторонние действия России также усложняют усилия США по укреплению альянсов в регионе. В конечном итоге, многовекторные стратегические шаги России в Азиатско-Тихоокеанском регионе обладают потенциалом для создания долгосрочных изменений в глобальном геополитическом балансе.

[1] Choe Sang-Hun, "Impeachment in South Korea Has Cost Washington a Staunch Ally", New York Times, <https://www.nytimes.com/2024/12/16/world/asia/south-korea-us-diplomacy.html>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[2] "China And Russia Intensify Military Maneuvers Near South Korea", The Pinnacle Gazette, <https://evrimagaci.org/tpg/china-and-russia-intensify-military-maneuvers-near-south-korea-73445>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[3] Edward Howell, "Any new Trump-Kim summit risks another no deal. The US must nurture old alliances to contain North Korea", Chatham House, <https://www.chathamhouse.org/2024/11/any-new-trump-kim-summit-risks-another-no-deal-us-must-nurture-old-alliances-contain-north>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[4] Rushali Saha, "US Needs to Accept the Reality of India-Russia Relations", The Diplomat, <https://thediplomat.com/2024/12/us-needs-to-accept-the-reality-of-india-russia-relations>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[5] "Более 70% российского несырьевого экспорта в Азию составляют промышленные товары", Коммерсантъ, <https://www.kommersant.ru/doc/7384518?erid=F7NfYUJCUnеP51LXRazh>, (Дата обращения: 21.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Рост Китая в секторе электромобилей (EV) и его последствия

Simay GÜZEL

Стремительно развивающаяся индустрия электромобилей (EV) в Китае изменила экономические, политические и конкурентные аспекты международных отношений страны, особенно отношений с Европейским союзом (ЕС) и Соединёнными Штатами Америки (США). EV промышленность оказалась в центре как торговых войн, так и стратегических союзов, что усилило глобальное влияние Китая. Благодаря производственным мощностям, развитию технологий и стратегической политике Китай приобрел влияние как на региональном, так и на глобальном уровне. Стратегическое планирование, сильная промышленная политика и рыночные условия являются причиной лидирующего положения Китая.

Глобальные тенденции к развитию возобновляемых источников энергии и чистых технологий вывели Китай на лидирующие позиции в секторе EV, и эти тенденции меняют экономическую, экологическую и геополитическую стратегии страны. Доминируя в наиболее важных компонентах экосистемы EV, таких как батареи, зарядная инфраструктура и инновационные методы производства, Китай является лидером рынка, на долю которого приходится более 50 % мировых продаж EV.[1] Благодаря этому превосходству можно сказать, что Китай увеличил свою стратегическую мощь в международной торговле.

Успех Китая в области EV-технологий способствовал росту экономического сотрудничества между странами. Благодаря соглашениям с ЕС Китай стал ключевой фигурой в установлении новых стандартов в области аккумуляторных технологий. Партнерство с Южной Кореей и Японией выдвинуло на повестку дня концепцию «коопконкуренции» в производстве батарей. Эти экономические связи можно охарактеризовать как факторы, способствующие расширению торговых коридоров и обеспечивающие альтернативные решения проблемы энергетической зависимости Китая.

Китайская индустрия EV, обладающая потенциалом сокращения выбросов углекислого газа, и политика, проводимая в этом контексте, способствуют достижению целей экологической устойчивости.[2] Эта политика укрепила глобальные обязательства Китая по сокращению выбросов углекислого газа в рамках Парижского климатического соглашения. Экспорт EV и технологическая поддержка стали дипломатическими инструментами, подчеркивающими экологическое лидерство Китая. Кроме того, соглашения о передаче технологий с развивающимися странами также поддерживают стратегию «мягкой силы» Китая.[3]

Помимо этих мер, усилия по переработке аккумуляторов направлены на укрепление экологической устойчивости. Технологические инвестиции в переработку аккумуляторов и инфраструктуру зарядки позволили Китаю усилить свое влияние на рынках Азии, Африки и Европы в соответствии с инициативой «Пояс и путь». Эти инвестиции укрепляют дипломатические связи, поддерживая инфраструктуру и передачу энергии. С другой стороны, критически важные минералы, используемые в производстве EV и цепочке поставок аккумуляторов, также являются важной частью стратегии международного сотрудничества Китая. Что касается технологии производства литий-ионных аккумуляторов и сырья для них, Китай также укрепил торговые отношения с южноамериканскими и африканскими странами. Соглашения о добыче кобальта с такими странами, как Демократическая Республика Конго, усилили контроль Китая над этим важнейшим сектором.[4]

Китайские производители EV (BYD, Nio, Geely и др.) вышли на международные рынки. В этом направлении Китай нацеливается на развитые рынки, такие как ЕС и США, а также другие страны в экспорте EV. В то время как продажи BYD растут в Европе, инновационные станции замены батарей Nio привносят в сектор иной динамизм. Поскольку такой экспорт укрепляет экономические связи, он, естественно, влечет за собой и коммерческую конкуренцию. Расследование ЕС в отношении Китая по поводу субсидий подчеркивает влияние сектора EV на экономическую конкуренцию. Сильная политика субсидирования, проводимая Китаем, благоприятствует местным производителям, вызывая при этом беспокойство в других странах.

Можно сказать, что наибольшее беспокойство в последнее время вызывает конкурентное давление. Традиционные европейские автомобильные гиганты, такие как Volkswagen и Renault, испытывают серьезное конкурентное давление из-за китайских экономически эффективных EV. В то время как Volkswagen пытается сохранить свое присутствие на китайском рынке с помощью местных партнерств и производственных мощностей, Китай, как правило, использует это сотрудничество для содействия собственному технологическому развитию. Учитывая последние новости о том, что Volkswagen находится в сложной ситуации, можно предположить, что растущая доля рынка Китая оказывает прямое или косвенное влияние на эту ситуацию.[5] Несмотря на то, что Volkswagen испытывает серьезное конкурентное давление на китайском рынке, видно, что компания намерена придерживаться долгосрочной стратегии, продолжая сотрудничество с китайской автомобильной компанией SAIC Motor. Тот факт, что Volkswagen недавно продлил соглашение с SAIC до 2040 года, отражает его стремление увеличить производственные мощности, обеспечить преимущество в стоимости и занять более прочные позиции на рынке электромобилей, несмотря на лидерство Китая в этом секторе и его текущий курс.[6]

Успех Китая в секторе EV также усиливает конкуренцию с США. Китайские производители, такие как BYD, пошатнули мировое лидерство Tesla благодаря экономичным моделям. Было объявлено, что к 2023 году BYD и другие китайские компании превысят продажи Tesla.[7] Gigafactory Tesla в Шанхае помогает компании поддерживать свое сильное присутствие на китайском рынке. Переизбрание Дональда Трампа на пост президента также стало событием, которое может повлиять на эти балансы.[8] В то время как жесткая политика Трампа в отношении Китая и новые тарифы могут создать неблагоприятные условия для Китая, политика, поддерживаемая Элоном Маском, у которого хорошие отношения с Трампом, может создать преимущества для Tesla. Однако возможная торговая война между США и Китаем и геополитические риски могут представлять значительную угрозу для стратегии роста Tesla по сравнению с BYD, которая уже заняла прочные позиции на внутреннем рынке.

Лидерство Китая в сфере производства электромобилей во многом обусловлено сочетанием государственной политики, технологических инвестиций и большого внутреннего рынка. Это лидерство меняет глобальный экономический баланс и дает Китаю геополитическое преимущество. Конкуренция с Tesla — важный фактор, который будет определять долгосрочный успех Китая на мировом рынке. То, как Китай реализует свои цели в области устойчивого развития и как он справляется с такими инновационными компаниями, как Tesla, будет иметь решающее значение для будущего EV индустрии.

Электромобильная промышленность Китая — это не только инструмент экономического роста, но и часть его международной стратегии. Лидерство в EV секторе не только усилило глобальное влияние Китая, но и позволило ему создать новые торговые маршруты, дипломатические союзы и модели устойчивого развития. В соответствии с технологическими инновациями, а также целями устойчивого развития дипломатическое влияние Китая будет расти. Устойчивость этого влияния будет зависеть от баланса конкуренции и сотрудничества с другими странами в ближайшие годы.

[1] Yukun, L., "Nation poised to hold more than half of Global EV fleet by 2025", China Daily, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202411/29/WS6749120ea310f1265a1d02dd.html>, (Дата Обращения: 03.12.2024).

[2] Hu, Y., Wang, Z., & Li, X., "Impact of policies on Electric Vehicle Diffusion: An Evolutionary Game of Small World Network Analysis", Journal of Cleaner Production, <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652620317509>, (Дата Обращения: 03.12.2024).

[3] Raslan, R. A. A., "Climbing up the ladder: Technology transfer-related policies in the context of the belt and road initiative", Utrecht Law Review, <https://utrechtlawreview.org/articles/10.36633/ulr.922>, (Дата Обращения: 03.12.2024).

[4] DeCoff, S., "Major copper discoveries", S&P Global Homepage, <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/blog/major-copper-discoveries>, (Дата Обращения: 03.12.2024).

[5] Valerio, P., "Ev makers struggle with slow demand and battery shortages", EPS News, <https://epsnews.com/2024/11/26/chinas-ev-prowess-disrupts-u-s-eu-car-makers/>, (Дата Обращения: 03.12.2024).

[6] Fusheng, L., "VW and SAIC joint venture renewed", China Daily, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202412/02/WS674d1f09a310f1265a1d0831.html>, (Erişim Tarihi: 03.12.2024).

[7] Carson, E., "Tesla stock near highs as FSD V13 launches; BYD sales hit new high", Investor's Business Daily, <https://www.investors.com/news/tesla-vs-byd-ev-sales-robotaxis/>, (Дата Обращения: 03.12.2024).

[8] Так же.

ANKASAM АНАЛИЗ

Стратегические расчеты израильских операций в Сирии

Ezgi KÖKLEN

19 и 20 декабря 2024 года министр иностранных дел Таиланда Марис Сангьямпонгса возглавила отдельные консультативные встречи с членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в рамках обсуждения путей урегулирования кризиса, продолжающегося в Мьянме с момента переворота 2021 года, в результате которого было свергнуто гражданское правительство во главе с Национальной лигой за демократию. Эти встречи, свидетельствующие о намерении правительства Таиланда играть более активную роль в урегулировании конфликта в Мьянме, крайне важны для стабилизации ситуации в Юго-Восточной Азии, оценки возможностей АСЕАН по урегулированию кризиса и понимания регионального баланса сил.

В четверг состоялась неофициальная консультационная встреча с участием представителей приграничных соседей Мьянмы — Китая, Индии, Бангладеш, Лаоса и Таиланда, а также назначенного хунтой министра иностранных дел Мьянмы Тана Све. Эта встреча примечательна тем, что впервые Мьянма и пять соседних стран собрались вместе. С другой стороны, поскольку встреча проходила не под эгидой АСЕАН, она не отражает официальную политику организации в отношении кризиса в Мьянме. С момента переворота АСЕАН не признает военных лидеров Мьянмы и допускает на встречи региональных лидеров и министров иностранных дел только неполитических представителей.

По словам министра иностранных дел Таиланда Мариса, пять стран, участвовавших во встрече в четверг, подчеркнули, что они согласны с тем, что прямое взаимодействие с Мьянмой крайне важно и необходимо.[1] Такой подход показывает, что эти страны более восприимчивы к Мьянме, чем другие, поскольку они являются соседями Мьянмы.[2] Заинтересованность Таиланда в стабильности Мьянмы является ярким примером с точки зрения региональной безопасности. Аналогичным образом, другие соседние страны, такие как Китай, Индия и Бангладеш, также серьезно обеспокоены возможностью распространения конфликта в Мьянме на их приграничные районы. Эта ситуация показывает, что для поддержания региональной стабильности и безопасности границ необходимо выработать более комплексный подход, основанный на сотрудничестве.

В этом контексте на встрече в четверг были рассмотрены вопросы, касающиеся общих проблем, таких как безопасность границ, трансграничная преступность и управление водными ресурсами. Кроме того, министр иностранных дел Тан Све, представляющий военное правительство Мьянмы, проинформировал своих региональных коллег о политической «дорожной карте» хунты и подготовке к выборам, намеченным на следующий год. Таиланд По словам представителя Министерства иностранных дел Никорндея Баланкура, соседи Мьянмы в целом положительно отреагировали на этот предвыборный план.[3] Такой позитивный подход мог быть обусловлен опасениями по поводу вакуума власти, который может возникнуть в случае свержения военного режима, и сомнениями в том, что сопротивление против хунты не увенчается успехом.

Китай рассматривает выборы как возможность защитить инфраструктурные проекты в приграничных районах и помочь стабилизировать обстановку в регионе. Такой подход соответствует мотивам, лежащим в основе мирных инициатив Китая в Мьянме, в частности инвестиций в экономический коридор Китай-Мьянма и проекты «Пояса и пути» в штате Ракхайн, которые являются одной из главных движущих сил стабилизационных усилий Пекина в регионе. Подход Китая также согласуется с политикой других соседних стран, таких как Таиланд, Индия и Бангладеш. Это связано с тем, что страны, граничащие с Мьянмой, серьезно страдают от обострения таких проблем, как потоки беженцев, трансграничная преступность и экономическая нестабильность. Эти страны поддерживают решение, ориентированное на Мьянму, чтобы смягчить трансграничные последствия нестабильности.

В пятницу министры иностранных дел стран АСЕАН провели встречу, на которой обсудили вопросы, связанные с Мьянмой, и план АСЕАН «Консенсус из пяти пунктов». Такое развитие событий свидетельствует о том, что Консенсус из пяти пунктов остается ключевым ориентиром для АСЕАН в разрешении текущего политического кризиса в Мьянме. План примирения из пяти пунктов, принятый АСЕАН в апреле 2021 года, направлен на немедленное прекращение насилия в Мьянме, начало инклюзивного национального диалога между всеми заинтересованными сторонами при посредничестве специального посланника АСЕАН и оказании гуманитарной помощи по каналам АСЕАН.

Однако спустя три года военная хунта в Мьянме усилила насилие и препятствует доставке гуманитарной помощи, явно нарушая эти обязательства. Это вызвало серьезные вопросы относительно способности АСЕАН справиться с кризисом и жизнеспособности плана примирения из пяти пунктов. Приверженность АСЕАН консенсусному подходу к принятию решений и принципу невмешательства во внутренние дела существенно ограничивает возможности организации заставить военных Мьянмы выполнить план примирения из пяти пунктов или ввести санкции за нарушение этого плана. Действительно, Болбонгсе Вангпхен, глава таиландского департамента по делам АСЕАН, заявил, что на переговорах в пятницу не было достигнуто конкретного соглашения по преодолению этих препятствий.[4]

Одним из главных препятствий на пути к разрешению конфликта в Мьянме является безразличие сторон к переговорным процессам. За время, прошедшее после переворота, гражданская война, в основе которой лежали требования этнических групп об автономии, превратилась в борьбу за полный контроль над будущим страны. В этом контексте сохранение плана «Пять пунктов консенсуса» в повестке дня имеет решающее значение для определения авторитета и роли АСЕАН на региональном и международном уровне в ее подходе к кризису в Мьянме. Решение АСЕАН этого кризиса рассматривается не только как испытание солидарности между странами-членами, но и как процесс, который формирует позицию организации как стратегического актора в глазах международного сообщества. Отсутствие переговоров в Мьянме и нулевой характер кризиса еще больше повышают важность способности АСЕАН эффективно реализовать этот план.

Таиланд занимает уникальную дипломатическую позицию в контексте кризиса в Мьянме благодаря своим отношениям как с военной хунтой, так и с революционными группами. Его финансовая и дипломатическая поддержка хунты, особенно через инвестиции в нефтегазовый сектор Мьянмы, сыграла жизненно важную роль в способности военного режима поддерживать свои операции. Кроме того, Таиланд занимает влиятельную позицию в отношении революционных групп и обладает важным потенциалом для успокоения конфликтов и налаживания диалога между сторонами. Такие многогранные отношения делают Таиланд идеальным игроком для посредничества в урегулировании кризиса в Мьянме. В этом контексте его роль в рамках АСЕАН становится еще более важной. Вполне понятно, что Таиланд должен сохранять свои лидерские позиции как в обеспечении региональной стабильности, так и в укреплении усилий по урегулированию гуманитарного кризиса в Мьянме. Это лидерство также может способствовать разработке АСЕАН более эффективных и целостных стратегий по преодолению кризиса в Мьянме.

В заключение следует отметить, что кризис в Мьянме — это испытание лидерского потенциала АСЕАН в области региональной безопасности и стабильности. Стратегии, которые необходимо разработать для разрешения кризиса, не только стабилизируют Мьянму, но и будут иметь решающее значение для репутации и влияния АСЕАН на международной арене. Хотя посреднические усилия Таиланда и сотрудничество других стран региона обещают совместный процесс урегулирования, эти инициативы должны быть подкреплены целостным подходом АСЕАН. Трансграничные последствия и экономические риски в регионе требуют более решительного ответа АСЕАН на кризис.

В этом контексте вступление Малайзии в должность председателя АСЕАН в январе 2025 года способно определить будущее региональных усилий по преодолению кризиса в Мьянме. Саммит в Лангкави предоставляет важную возможность более четко сформулировать позицию АСЕАН в отношении Мьянмы и разработать общую дорожную карту по урегулированию кризиса. Решения, принятые на саммите, проверят способность АСЕАН к региональному лидерству по таким вопросам, как жизнеспособность консенсуса из пяти пунктов, роль Специального посланника АСЕАН и продвижение инклюзивного политического процесса. Подходы, выработанные в ходе этого процесса, будут иметь решающее значение не только для Мьянмы, но и для долгосрочного влияния АСЕАН на региональной и международной арене.

[1]. "Thailand hosts regional talks to find solutions to Myanmar's bloody civil war", AP News, <https://apnews.com/article/myanmar-conflict-asean-diplomacy-8b05c4d22e649f88aeb1449bcf052710>, (Дата посещения: 20.12.2024).

[2]. то же место.

[3]. "Myanmar's Election Ambitions: Insights from Than Swe's Diplomatic Plans in Bangkok", Thai News, <https://thai.news/news/thailand/myanmars-election-ambitions-insights-from-than-swes-diplomatic-plans-in-bangkok>, (Дата посещения: 21.12.2024).

[4]. "Thailand calls regional talks on war-torn Myanmar frank but short on agreement", VOA News, <https://www.voanews.com/a/thailand-calls-regional-talks-on-war-torn-myanmar-frank-but-short-on-agreement-/7909022.html>, (Дата посещения: 21.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Напряженные отношения между Венгрией и Польшей

Sena BIRINCI

Напряженные отношения между Польшей и Венгрией в последние годы обусловлены различиями между их стратегическими позициями и национальными интересами в рамках Европейского союза (ЕС). Сотрудничая в течение длительного времени на основе общих ценностей и политики, эти две страны демонстрируют разные позиции, особенно по таким вопросам, как верховенство закона, миграционная политика и бюджетные решения ЕС. Это стало динамикой, влияющей как на двусторонние отношения, так и на сплоченность в рамках Европейского союза. Претензии Польши на региональное лидерство и стремление Венгрии проводить более независимую внешнюю политику еще больше усиливают напряженность. Эти споры способны определить политическое будущее Центральной Европы.

В своей речи в Кракове (Польша) в 2016 году Виктор Орбан подчеркнул польско-венгерскую дружбу и сказал: «В мире нет народа, который бы так ценил Польшу и поляков, как венгры, а поляки так ценят венгров».[1] Он использовал эти выражения. Однако через восемь лет этот дружеский подход сменился резкой критикой. «Поляки проводят самую лицемерную политику в Европе», — заявил Орбан в своей речи в летнем лагере Тусваньос в 2023 году. » [2] Президент Польши, заявив, что он «добрый сосед», продемонстрировал напряженность в отношениях. Резкая реакция Польши еще больше углубила трещину в отношениях.

Особые отношения между венгерской партией Fidesz и бывшей правящей партией Польши, партией «Право и справедливость» (PiS), были ослаблены из-за войны на Украине. Ситуация усугубилась, когда Дональд Туск победил на выборах в 2023 году, приведя к власти центристскую коалицию. Отношения между Орбаном и Туском испортились после того, как Орбан занял антиевропейскую позицию и укрепил связи с PiS. Союз Орбана с PiS был укреплен в качестве сопротивления озабоченности ЕС по поводу демократии и верховенства закона.

Однако украинская война разрушила этот союз. Польша стала крупнейшим сторонником Украины, а Венгрия осталась близка к России. Комментарии Орбана о войне вызвали бурную реакцию в Польше. Дональд Туск раскритиковал политику Орбана, заявив, что «уволил самое пропутинское правительство в Европе». [3] в ЕС. Победа Туска на выборах привела к дальнейшей изоляции Орбана, в то время как он сосредоточился на восстановлении отношений Польши с ЕС. В отличие от Орбана, Туск стремится восстановить демократические ценности Польши и финансирование ЕС. В ходе этого процесса польско-венгерские отношения пережили исторический спад. По словам венгерского политолога Згута Пшибыльска, ситуацию резюмирует следующее предложение: «Правительство Орбана решило полностью покончить с польско-венгерской дружбой».[4]

Отношения между Польшей и Венгрией обострились после того, как Венгрия предоставила политическое убежище бывшему заместителю министра юстиции Польши Марцину Романовскому, что вызвало новый дипломатический кризис. Романовскому было предъявлено 11 обвинений, в том числе злоупотребление средствами фонда, созданного в Польше для поддержки жертв преступлений, и попытка обмануть государство. Польское правительство назвало это решение «враждебным актом» и противоречащим принципам Европейского союза.[5] Орбан заявил, что польское правительство считает Венгрию врагом и предоставит убежище любому, кто спасается от «политических преследований» в Польше. Это вызвало реакцию Польши, и Министерство иностранных дел объявило, что вызовет венгерского посла и обратится в Европейскую комиссию для возбуждения дела против Венгрии. Этот шаг Венгрии вызвал обеспокоенность по поводу верховенства закона и независимости судебной власти в ЕС. Несмотря на идеологическую близость Польши и Венгрии, это событие углубило раскол в отношениях. Обе страны рискуют оказаться во все большей изоляции в рамках ЕС.

Дело Романовского высветило глубокие различия между усилиями Польши по восстановлению верховенства закона и борьбе с коррупцией и авторитарным подходом Венгрии к управлению. Несмотря на идеологическую близость между двумя странами, этот инцидент указывает на растущую напряженность внутри Европейского союза. Решение Венгрии воспринимается как противоречащее основным ценностям ЕС и углубляет дискуссию о верховенстве закона. Это может еще больше ослабить союз между Польшей и Венгрией и создать новую зону конфликта внутри ЕС.

Виктор Орбан утверждал, что правительство во главе с Дональдом Туском было создано Европейским союзом для свержения предыдущего правопопулистского правительства.[6] Однако Орбан не предоставил никаких доказательств в поддержку этих утверждений. Польское правительство пришло к власти на выборах 2023 года при рекордной явке. Орбан охарактеризовал это как аналогичный сценарий в отношении Венгрии, заявив, что ЕС хочет свергнуть его правительство и заменить его марионеточной администрацией. Министерство иностранных дел Польши отвергло эти обвинения, подчеркнув, что нынешнее правительство представляет волю польских избирателей.

Заявления Орбана рассматриваются как часть его давнего конфликта с ЕС. Отказ ЕС от финансирования на основании того, что Венгрия нарушает демократические стандарты, усилил критику Орбана в адрес Брюсселя. В то же время сближение Венгрии с Россией и Китаем и обращение Венгрии к авторитарным режимам за инвестициями и кредитами усилили антиевропейскую позицию Орбана.

В целом, напряженность в отношениях между Польшей и Венгрией отражает их разные политические подходы и взаимные обвинения в рамках Европейского союза. Предоставление Венгрией политического убежища оппозиционному политику, бежавшему из Польши, и характеристика Орбаном польского правительства как «марионетки» ЕС еще больше обострили отношения. Польша, в свою очередь, расценила шаг Венгрии как враждебный акт.

Эта напряженность важна из-за ее возможных последствий для позиций и альянсов двух стран в ЕС. В то время как Польша под руководством Дональда Туска стремится к восстановлению демократии и верховенства закона, Венгрия под руководством Орбана занимает более авторитарную позицию и дистанцируется от ЕС. Эти разногласия привели к глубокому расхождению между двумя странами, которые когда-то составляли единый фронт, и способствуют углублению разногласий внутри ЕС. Такая ситуация может осложнить поиск путей сплочения и сотрудничества в рамках Союза.

[1] Csongor Körömi, "Fratricide: How Poland and Hungary went from friends to foes", Politico, <https://www.politico.eu/article/poland-hungary-krakow-viktor-orban-politics-eu-europe-brussels/>, (Дата посещения: 22.12.2024).

[2] то же место.

[3] то же место.

[4] то же место.

[5] Vanessa Gera, "Diplomatic spat erupts after Hungary gives asylum to Polish politician suspected of corruption", AP News, <https://apnews.com/article/poland-hungary-asylum-politician-dispute-6c528154f2ca2a67ef45fad333aa1984>, (Дата посещения: 22.12.2024).

[6] Justin Spike, "Hungary's Orbán claims Poland's center-right government was installed by the EU", AP News, <https://apnews.com/article/orban-polish-government-installed-eu-a2754cd1727ff01c7b5ce19b94bf41de>, (Дата посещения: 22.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

«Азиатское НАТО» Против России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском

Ergün MAMEDOV

В последние годы изменения в глобальной системе безопасности продемонстрировали усиление соперничества между великими державами как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Соединённые Штаты Америки (США), помимо расширения Организации Североатлантического договора (НАТО) в Европе и стратегического давления на Россию через Украину, стремятся увеличить своё глобальное влияние, создавая новые архитектуры безопасности против таких акторов, как Китай, Россия и Северная Корея, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этом процессе особое внимание привлекли оборонные инициативы, в которых активно участвует один из ближайших союзников США — Япония, а также увеличение военного присутствия западных стран. Эти события глубоко повлияли на региональную динамику не только в контексте оборонной политики, но и в геополитическом балансе.

Премьер-министр Японии Сигэру Исиба предпринял усилия по переосмыслению региональных динамик безопасности, призвав к созданию «Азиатского НАТО» в ответ на растущее военное сотрудничество между Китаем, Россией и Северной Кореей. В рамках стратегии администрации Байдена, названной «Архитектурой переплетённой безопасности», усилилось сотрудничество в области обороны между США, Японией и другими региональными партнёрами. Регулярные встречи в рамках Четырёхстороннего диалога по безопасности (QUAD) с участием Японии, Индии и Австралии, альянс AUKUS, а также укрепляющееся взаимодействие между Вашингтоном, Токио и Сеулом стали важными элементами этой стратегии. В своей статье для Института Хадсона Исиба назвал эти достижения успехом и утверждал, что напряжённость вокруг Тайваня может быть предотвращена механизмом защиты, аналогичным НАТО. Однако, несмотря на то, что эти инициативы рассматриваются США и Японией как позитивный шаг, другие акторы региона воспринимают их как признак более широкой стратегической угрозы.[1]

Эти усилия демонстрируют, что глобальная стратегия сдерживания США не ограничивается только Азиатско-Тихоокеанским регионом, но и распространяется на противодействие российской угрозе в Европе. Военная помощь Украине при поддержке НАТО усилила восприятие угрозы в России, что привело к ускорению усилий Москвы по укреплению как обычных, так и стратегических средств сдерживания. Заявления министра обороны России Андрея Белоусова о необходимости подготовки к возможной войне с НАТО подчёркивают, что Москва продолжает рассматривать Запад как стратегическую угрозу. Решения, принятые на июльском саммите НАТО, помощь Украине и новые доктрины в отношении беспилотных систем усилили это восприятие в России.[2]

Взаимосвязь между этими двумя регионами свидетельствует о том, что США стремятся применять схожие стратегические модели как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Восприятие угрозы со стороны России в Азиатско-Тихоокеанском регионе усложняется не только давлением Запада, но и формированием региональных альянсов под руководством США и Японии. Начальник Генерального штаба России Валерий Герасимов отметил, что в регионе под руководством США, Японии и Южной Кореи формируется военный альянс, подобный НАТО, который рассматривает Россию, Китай и Северную Корею как основных противников.[3] Герасимов подчеркнул, что существующая система безопасности на основе АСЕАН трансформируется США в альянсы под их контролем, и сообщил о размещении в регионе около 400 тысяч военнослужащих. Продолжающиеся военно-морские операции США в Тайваньском проливе и поставки современного оружия Тайбэю, усиливающие напряжённость вокруг Тайваня, Москва расценивает как провокацию.[4]

На этом фоне участие Франции, как члена НАТО и ЕС, в направлении ударной авианосной группы в Азиатско-Тихоокеанский регион стало заметным элементом западной стратегической направленности. Этот шаг Франции направлен на укрепление коллективной оборонной идентичности ЕС и глобального стратегического влияния. Совместные учения с флотами США, Японии, Австралии и Канады в Индо-Тихоокеанском регионе нацелены на углубление региональных партнёрств Франции, однако воспринимаются такими акторами, как Китай, как внешнее вмешательство. Схожие развертывания Великобритании и Италии также способствовали росту напряжённости в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ослаблению усилий по созданию региональной структуры безопасности.[5]

Эти события сопровождаются усилиями НАТО по пересмотру глобального распределения сил через координацию западной военной помощи. На саммите НАТО в Вашингтоне в июле 2024 года было принято решение о создании «Миссии поддержки и обучения НАТО для Украины» (NSATU), базирующейся в немецком городе Висбаден. Эта структура, в которой будет задействовано 700 человек, направлена на обеспечение механизма поддержки Украины. Такой переход был воспринят как мера предосторожности на случай возможного сокращения военной помощи Украине со стороны нового президента США Дональда Трампа. Однако сохраняющийся статус США как крупнейшего поставщика оружия Украине и политика администрации Трампа ограничивают влияние этого перехода. В то же время администрация Байдена, как утверждается, планирует масштабные поставки боеприпасов в Украину перед завершением своего срока, тогда как советники Трампа обсуждают план прекращения военной помощи Киеву в случае отказа от переговоров с Москвой. Эти обстоятельства ещё больше усложняют усилия Запада по поддержанию устойчивой помощи Украине.[6]

В то же время идея «Азиатского НАТО» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, несмотря на её значимость в контексте международной безопасности и сотрудничества, на практике выглядит ограниченной в своей реализации. Внешнеполитический подход Дональда Трампа, сформированный под лозунгом «Сделаем Америку снова великой», указывает на то, что во время второго президентского срока Трамп будет отдавать предпочтение национальным интересам и стратегии, основанной на лидерстве, а не многосторонним альянсам. Учитывая критику Трампом НАТО и его дистанцированное отношение к коллективным механизмам обороны в Европе, вероятность того, что США поддержат создание альянса, подобного НАТО, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, представляется крайне низкой. В период администрации Байдена безопасность Японии, основанная на тесном сотрудничестве с США, вероятно, трансформируется в более ограниченные двусторонние партнёрства в период правления Трампа. Ожидается, что после Байдена Япония примет более независимый и прагматичный подход к региональной безопасности, что может перераспределить региональные силовые динамики в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ответные действия России и Китая в этом процессе будут сосредоточены на стратегическом согласовании в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия, углубляя экономические, дипломатические и военные связи с Китаем, может сформировать совместную линию обороны против стратегии США по перераспределению силы как в Европе, так и в Азии. Участие таких союзников, как Северная Корея, в этом блоке может ещё больше усложнить региональные расклады. Кроме того, экономическая экспансия Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и инфраструктурные проекты в Азиатско-Тихоокеанском регионе увеличивают экономическую зависимость местных стран, ослабляя влияние альянсов под руководством США. Ужесточающаяся позиция Китая по вопросу Тайваня и его контрстратегии против военных действий, поддерживаемых США, могут ещё больше обострить региональную безопасность.

В этом контексте, из-за нехватки лидерства и ограниченности ресурсов США, создание «Азиатского НАТО» как полноценного альянса представляется маловероятным. Ожидается, что союзники США в регионе будут вынуждены разрабатывать свои собственные стратегии безопасности более независимо и прагматично, компенсируя отсутствие прямого американского лидерства. Япония может принять более сбалансированный подход для управления напряжённостью вокруг Тайваня и противодействия растущему региональному влиянию Китая. С другой стороны, Россия и Китай могут использовать эту ситуацию для расширения своего сотрудничества и изменения регионального баланса в свою пользу. Таким образом, идея альянса, подобного НАТО, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, скорее всего, останется на уровне политической риторики и не приведёт к заметным изменениям в архитектуре региональной безопасности. Этот сценарий может стать предвестником долгосрочной геополитической трансформации, укрепляющей многополярный порядок и ослабляющей глобальное лидерство США.

[1] Micah McCartney, "Japan's New Leader Pushes Nuclear Weapons and Controversial 'Asian NATO'", Newsweek, <https://www.newsweek.com/japan-prime-minister-ishiba-pushes-nuclear-weapons-asian-nato-1963059>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[2] Boldizar Gyori, "Russia Must be Ready for Potential Conflict with NATO 'within 10 years,' Defense Minister Says", The Kyiv Independent, <https://kyivindependent.com/russia-preparing-for-possible-conflict-with-nato>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[3] "Герасимов: Белый дом стремится создать в АТР 'азиатскую НАТО'", TASS, <https://tass.ru/armiya-i-opk/22703811>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[4] "Russia warns of emerging US-led 'Asian NATO'", News.Az, <https://news.az/news/russia-warns-of-emerging-us-led-asian-nato>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[5] Guo Yuandan, "By Deploying Carrier Strike Group to Indo-Pacific for 1st Time in 40 years, France Aggravates Tensions in Aisa-Pacific: Expert", Global Times, <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325358.shtml>, (Дата обращения: 21.12.2024).

[6] "Координация военной помощи Киеву перешла от США к НАТО", Central Asia, <https://centralasia.media/news:2207402>, (Дата обращения: 21.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Атлантический диалог: Глобальное видение Марокко и ее региональное влияние

Göktuğ ÇALIŞKAN

Атлантический диалог — это эффективная платформа на глобальном и региональном уровне, которая направлена на расширение взаимного сотрудничества путем объединения стран, граничащих с Атлантическим бассейном. Рабат, столица Марокко, примет 13-ю конференцию данного диалога в 2024 году, в очередной раз продемонстрировав дипломатическую эффективность страны. Организуемые с 2011 года, эти конференции дают возможность обсудить широкий спектр стратегических вопросов, таких как экономическое развитие, безопасность, миграция и энергетика. Одной из главных целей этого мероприятия является решение проблемы растущего неравенства, особенно между северной и южной осями Атлантического бассейна. Ежегодно принимая сотни политиков, ученых и представителей бизнеса, «Атлантический диалог» сумел укрепить многосторонний подход стран Атлантического бассейна.

«Атлантический диалог 2024» прошел в столице Марокко Рабате 12-14 декабря и привлек внимание всего мира.[1] В программе приняли участие представители ряда стратегически важных стран, в том числе США, Бразилии, Нигерии и Германии. Кроме того, в открытии конференции приняли участие такие видные деятели, как Омар Хилале, постоянный представитель Королевства Марокко при Организации Объединенных Наций, и Жозеп Боррель, представитель по иностранным делам Европейского союза. Одним из наиболее заметных результатов программы стало объявление о создании международного фонда в размере 3 миллиардов долларов для перехода Африки к энергетике. Кроме того, была разработана «Рамочная программа солидарности» для решения миграционного кризиса в Атлантическом бассейне, и Марокко выступило в данном процессе в качестве посредника и партнера по решению проблемы. Эти результаты, соответствующие концепции устойчивого развития Марокко, также укрепляют лидирующие позиции страны в регионе.

Роль Марокко в Атлантическом диалоге не ограничивается ролью принимающей страны, но и вносит значительный вклад в интеллектуальную и дипломатическую основу диалога. Проведение конференции в Марокко укрепляет роль страны в качестве моста между Атлантическим бассейном и Африкой. В этом контексте основные темы Атлантического диалога, такие как энергетическая безопасность и возобновляемые источники энергии, поддерживают лидирующие позиции Марокко в области солнечной и ветровой энергетики. Эти мероприятия, проводимые в таких городах, как Рабат и Марракеш, способствуют укреплению стремления Марокко стать региональным центром.

Глобальное влияние Атлантического диалога также проявляется в его способности укреплять экономическое и торговое сотрудничество между странами Атлантического бассейна. На последней конференции особое внимание было уделено таким вопросам, как «зеленая» энергетика и устойчивое развитие. Задача Марокко обеспечить %52 своих энергетических потребностей за счет возобновляемых источников к 2030 году является конкретным достижением в рамках данного диалога. В то же время вопросы торговли и финансов, обсуждаемые на конференциях, направлены на активизацию экономического потенциала стран Атлантического бассейна, который составляет 2,3 триллиона долларов.

Вклад Марокко в Атлантический диалог привел к углублению отношений между африканскими странами и западным миром. В частности, инициативы базирующейся в Рабате Королевской атлантической инициативы привели к усилению представительства африканских стран на международной арене. На конференции также были представлены конкретные предложения, такие как облегчение долгового бремени Африки и расширение механизмов регионального сотрудничества. Такой подход призван придать позитивный импульс процессам экономического развития африканских стран.

В этом году на мероприятии в Рабате кибербезопасность и борьба с терроризмом стали приоритетными вопросами в общей повестке дня стран-участниц. Марокко позиционирует себя в качестве регионального поставщика услуг в области безопасности благодаря эффективным стратегиям, разработанным как на национальном, так и на международном уровне в этой сфере. Дипломатические инициативы и военный вклад Марокко в борьбу с нестабильностью в Сахельском регионе получили высокую оценку на международном уровне. В частности, возглавляемые Марокко инициативы по обмену информацией и совместные операции против террористических группировок играют важную роль в стабилизации обстановки в регионе. Подход Марокко привел к укреплению связей в области безопасности между странами Атлантического бассейна.

Вопросы управления миграцией и прав человека также послужили важным фоном для демонстрации Марокко своего потенциала в области гуманитарной дипломатии. Являясь стратегическим транзитным пунктом между Европой и Африкой, Марокко применяет образцовый, инновационный и ориентированный на людей подход к миграционной политике. В частности, широкое признание получили предложения Марокко по увеличению гуманитарной помощи и защите основных прав мигрантов. Марокко также выделяется как центр «гуманитарной дипломатии» на международной арене со своими социальными программами по интеграции мигрантов. Это создает новые возможности для сотрудничества не только между странами Атлантического бассейна и Марокко, но и с другими частями Африки. Предложения Марокко по глобальному решению миграционного кризиса были поддержаны и в Организации Объединенных Наций.

На последней встрече также подробно обсуждались такие вопросы, как цифровая экономика и передача технологий, направленные на усиление экономической интеграции стран Атлантического бассейна. Марокко стремится развивать свою экосистему стартапов и стать региональным лидером в процессах цифровой трансформации. Механизмы сотрудничества, предусмотренные в рамках Атлантического диалога, способствуют повышению глобальной технологической конкурентоспособности Марокко. Одним из основных проектов Марокко стало предложение о создании регионального технологического фонда для укрепления цифровой инфраструктуры. Эти инициативы делают Атлантический диалог важным рычагом в стратегии экономического развития Марокко.

Благодаря инновационным проектам, таким как проект солнечной энергетики «Noog», включенным в повестку дня, вклад Марокко в энергетическую политику привлек внимание участников встречи. Проекты в области возобновляемых источников энергии и усилия по обеспечению устойчивого развития способствуют тому, что Марокко рассматривается как один из ведущих игроков в международных энергетических стратегиях. Благодаря этому проекту Марокко одновременно удовлетворяет свои местные потребности в энергии и возглавляет энергетические преобразования в Африке.

Тот факт, что такие города, как Рабат и Марракеш, принимают Атлантический диалог, также вносит большой вклад в туристический сектор Марокко. Ежегодно организуемые конференции повышают культурный и экономический динамизм страны, принимая тысячи участников. Такая ситуация положительно сказывается как на известности Марокко в качестве центра конференц-туризма, так и на глобальном восприятии страны.

Атлантический диалог является для Марокко важнейшей платформой для достижения многосторонних внешнеполитических целей. Благодаря этому диалогу страна налаживает более прочные связи сотрудничества со странами Атлантического бассейна. Успех Марокко в этом процессе отражается не только в экономической или дипломатической сферах, но и в восприятии его как «образцовой страны» на международной арене.

В будущем глобальное влияние Атлантического диалога еще больше возрастет. Марокко будет способствовать развитию отношений между африканскими странами и странами Атлантического бассейна, продолжая выполнять свою лидерскую роль в этом процессе. Реализация решений, принятых на Атлантическом диалоге 2024 года, покажет конкретные результаты этого сотрудничества. В частности, шаги, которые будут предприняты в таких областях, как «зеленая» энергетика, цифровая экономика и гуманитарная помощь, будут способствовать дальнейшему укреплению глобальной роли Марокко.

Для Марокко Атлантический диалог — это не только дипломатический инструмент, но и платформа для поддержки национальной стратегии развития. Благодаря таким конференциям и программам международного значения укрепляется международная репутация страны и конкретизируются ее цели в области региональной интеграции. В этом контексте ведущая роль Марокко в Атлантическом диалоге считается выигрышем не только для страны, но и для Атлантического бассейна в целом.

В заключение следует отметить, что Атлантический диалог усиливает влияние Марокко на международной арене и вносит значительный вклад в региональное сотрудничество и процессы развития. С помощью этой платформы страна продолжает отстаивать общие интересы как Африки, так и Атлантического бассейна. Стратегические шаги Марокко в этом процессе позволят стране стать еще более сильным региональным и глобальным игроком в будущем.

[1]. Amina Elghoubachi, “Atlantic Dialogues 2024 in Rabat: Explore Atlantic Basin Cooperation, Challenges.” *Barlaman Today*, 12 Aralık 2024. <https://www.barlamantoday.com/2024/12/12/atlantic-dialogues-2024-in-rabat-explore-atlantic-basin-cooperation-challenges/>, (Дата обращения: 21.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Торговая война Трампа и отношения с ЕС

Erdem Baran ALKAN

Дональд Трамп был избран 47-м президентом Соединенных Штатов Америки (США) на выборах, состоявшихся 5 ноября 2024 года. В то время как во время предыдущего срока Трампа в отношениях между США и Европейским союзом (ЕС) произошли значительные разрывы, динамика трансатлантических отношений в новый период представляет большой интерес.

Европа, находящаяся под экономическим и военным зонтиком США со времен Второй мировой войны, оказалась под угрозой потери этой защиты в эпоху Трампа и вплотную ощутила на себе жесткий подход Трампа к континентальной Европе. В первый срок его правления были введены 25-процентные тарифы на импорт стали и 10-процентные — на алюминий. В ответ ЕС ввел тарифы на американскую продукцию на сумму до 6 миллиардов долларов, что привело к торговой войне между двумя сторонами.^[1]

Чувствуя угрозу в момент обострения российско-украинской войны, Европа может вступить в новую торговую войну с США, и этого достаточно, чтобы загнать блок в угол и заставить его чувствовать себя некомфортно. Пригрозив ввести 25-процентные тарифы на товары из Канады и Мексики, Трамп заявил, что дополнительные тарифы будут введены, если ЕС не будет покупать больше американского газа и нефти.^[2] С другой стороны, посол ЕС в США Йовита Нелюпсиене заявила, что в таком случае Евросоюз будет ракетным. Кроме того, председатель Комиссии Урсула фон дер Ляйен заявила, что замена российского газа американским СПГ является более дешевой альтернативой и что это было бы более выгодно и прибыльно для блока, а значит, это можно обсуждать. Таким образом, мнения по этому вопросу в блоке меняются. Однако несомненно, что политика Трампа повлияет как на ЕС, так и на международный экономический порядок.

Бреттон-Вудская конференция, созванная в 1944 году во время Второй мировой войны, предусматривала создание либеральной послевоенной глобальной экономической системы. С этой целью были созданы Всемирный банк, Международный валютный фонд и различные институты, сначала Генеральное соглашение по тарифам и торговле в 1947 году, а затем Всемирная торговая организация на Уругвайском раунде в 1995 году, которые стали составными частями этой системы. Бреттон-Вудский режим лег серьезным бременем на плечи Соединенных Штатов. Получив после войны помощь и влияние на экономику континентальной Европы и развивающихся стран, США начали испытывать колебания в собственной экономике. Кроме того, Соединенные Штаты делали самые крупные взносы в эти институты. Тогдашний президент США Ричард Никсон, чтобы разрядить обстановку в отечественной экономике в 1971-1973 годах, предпринял множество мер, в том числе отменил практику конвертации доллара в золото, вошедшую в историю как «Никсоновский шок», но они не увенчались успехом, и в итоге ему пришлось уйти в отставку после «Уотергейтского скандала».^[3]

Под влиянием нефтяного кризиса ОПЕК Бреттон-Вудский режим рухнул, и мировая экономическая ситуация вступила в период стагнации. Вслед за этим начались такие процессы, как «Вашингтонский консенсус», поддерживающий развивающиеся страны, чтобы иметь право голоса в мировой экономической системе, основанный на критике экономиста Джозефа Стиглица, а либеральная экономическая система должна была быть создана со временем путем отказа от протекционистской и меркантилистской политики, как было заявлено в Бреттон-Вудсе.

В послевоенный период государственное вмешательство во внутреннюю экономику и либеральный порядок во внешней торговле напоминали кейнсианскую систему, и предполагалось со временем отменить эти вмешательства. Но этого так и не произошло. Тот факт, что последний раунд Всемирной торговой организации, Дохийский раунд, до сих пор не завершен, несмотря на то, что был начат в 2001 году, является самым большим показателем растущего антиамериканизма в 1990-х годах и того, что эта либеральная экономическая система так и не была полностью реализована. Более того, экономическая система, которая была скорее меркантилистской, продолжает оставаться псевдолиберальной структурой, ограниченной тарифами и нетарифными барьерами, так называемым новым протекционизмом, возникшим во время Токийского раунда в 1973-1979 годах.

Дело в том, что либеральная экономическая система, которую пытались создать с самого начала, возникла непосредственно из отношений между США и континентальной Европой, и торговые отношения между двумя сторонами в настоящее время радикально влияют на пытающуюся быть созданной глобальную экономическую систему. В данный момент развязывание торговой войны между сторонами, составляющими основу системы, которую выдвинул Дональд Трамп и которую считают столь же либеральной, подрывает усилия по созданию международной либеральной экономической системы. Подобные меркантилистские и чрезмерно протекционистские подходы препятствуют достижению определенного уровня стабильности в международной экономике и развивают неадекватную торговую практику. Такой подход является большим разочарованием для ЕС, усугубляя растущее давление в Европе в разгар российско-украинской войны.

Тот факт, что процветание континента в значительной степени зависит от США, подрывает независимость блока и препятствует его самодостаточности. В таких условиях ЕС необходимо найти альтернативу США. С точки зрения энергетики, можно рассмотреть возможность транспортировки центральноазиатских энергоресурсов в страны ЕС через Баку по таким схемам, как трубопровод Iapris Lazuli. Этот сценарий — напоминание о том, что ЕС и Западу необходимо попытаться улучшить войну за влияние на Кавказе, которую они в значительной степени проиграли России. Однако страны ЕС все еще заняты принятием различных резолюций по конфликтам с Арменией против Азербайджана — страны, которая будет играть ключевую роль в этом сценарии.

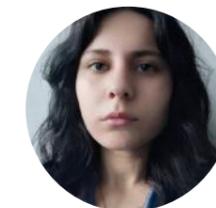
Кроме того, как отметила Урсула фон дер Ляйен, покупка американского газа в качестве более дешевой альтернативы российскому может рассматриваться как способ превратить угрозы Трампа в преимущество.^[4] В конце концов, ЕС опоздал с созданием самодостаточности и поэтому будет продолжать находиться под влиянием США. В современной экономической системе протекционистская политика неизбежна, и это приводит к тому, что страна или блок должны быть самодостаточными, что является еще одним принципом меркантилизма. В этой ситуации, даже если либеральная система будет подорвана, ЕС необходимо создавать альтернативы ей и, как уже говорилось выше, создавать собственные преимущества, проводя рациональную политику, особенно против протекционистских мер Трампа.

- [1] Stercevic, Seb. (2024), "Trump ramps up EU trade war threat unless bloc buys American oil and gas.", POLITICO, <https://www.politico.eu/article/us-donald-trump-threat-eu-tariffs-unless-buys-american-oil-gas/>, (Дата посещения: 24.12.2024).
- [2] Boak, Josh & Casert, Raf (2024), "Trump adds Europe to the list of US trade partners he's threatening with tariffs.", APnews, <https://apnews.com/article/trump-europe-trade-tariffs-natural-gas-oil-08d762fd17a0737aa6add3c9382c4bd>, (Дата посещения: 25.12.2024).
- [3] Garten, Jeffrey E. (2021), "Three Days at Camp David: How a Secret Meeting in 1971 Transformed the Global Economy.", s. 70–73, (Дата посещения: 24.12.2024).
- [4] Hodgson, Robert (2024), "Trump threatens trade tariffs unless Europe buys a lot more US oil and gas.", euronews., <https://www.euronews.com/business/2024/12/20/trump-threatens-trade-tariffs-unless-europe-buys-a-lot-more-us-oil-and-gas>, (Дата посещения: 25.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Культурная Индустрия и Экспорт Японии

Itir BOZDAĞ

Японская культура известна своей аутентичностью и элементами, которые сохраняются на протяжении многих лет. В последние годы она получила международное признание во многих областях, таких как кухня и кино, и была принята широкими массами. Япония придерживается стратегии экспорта своей культурной индустрии не только на внутренний, но и на внешний рынок. Эти стратегии меняются по мере развития технологий и практики.

Усилия Японии по продвижению своих культурных элементов насчитывают много лет. В конце XIX века Всемирные ярмарки, организованные в Париже и других городах, предоставили возможность познакомиться западный мир с элементами японской культуры. В первой половине XX века японская культура распространилась в различных регионах Азии. В первые годы после Второй мировой войны возрос интерес к японским боевым искусствам и связанному с ними дзен-буддизму, что оказало заметное влияние на философию, поэзию, кино и искусство.[1]

Как видно, международное признание японских культурных элементов и практик не является новой тенденцией, напротив, оно существует уже 100 лет. Она стала затрагивать широкую географию от Азии до Европы, и распространение культуры ускорилось в условиях все более глобализованного мира. В данном случае сказывается и тот факт, что Япония на протяжении многих лет сохраняла свое историческое и культурное наследие.

Многие ученые, изучающие транснациональное движение политической популярной культуры, анализируют политические и экономические аспекты этого процесса. В этом контексте глобальное распространение японской медиапродукции представляет собой новую форму культурного империализма, который иногда называют «мягкой силой» Японии.[2].

Международное распространение японской культуры можно рассматривать как параллель растущему технологическому и экономическому влиянию Японии в мире. Эту ситуацию можно сравнить с ситуацией, в которой американская культура стала экономически растущей силой во время распространения американской культуры во многих странах после 1950-х годов. Можно также сказать, что Япония пытается построить мост и углубить свои отношения с другими странами через культурный экспорт.

Экспорт японской анимации, начавшийся в 1960-х годах, неуклонно растет. Индустрия японского контента выросла настолько, что по стоимости экспорта может конкурировать со сталелитейной промышленностью. В 2022 году объем продаж японского контента за границу составил 4,7 триллиона иен, в то время как сталелитейная промышленность достигла 5,1 триллиона иен, а полупроводниковая — 5,7 триллиона иен. Индустрия контента также приносит экономическую выгоду за счет туристов, посещающих места, связанные с аниме и другими произведениями.[3]

Не будет ошибкой сказать, что Япония имеет уникальное образование в сфере анимации и контента. Фактически, международное признание японской анимации принято массами, и это растущий сектор внутри страны. Вклад анимации и другого контента в экономику Японии с каждым годом растет в геометрической прогрессии, и этот сектор вносит положительный вклад в имидж Японии в мире.

Успех Японии в экспорте популярной культуры обусловлен созданием привлекательных продуктов, а также разработкой инновационных способов их маркетинга и распространения. Она также сократила расходы, воспользовавшись технологическими достижениями, и сделала продукты популярной культуры доступными по цене для людей всех экономических классов, а также локализовала свои продукты, чтобы привлечь средний класс по всему миру.[4]

В основе успеха Японии в популяризации элементов своей культуры на международном рынке лежит тот факт, что она применяла стратегии, направленные на преодоление экономических ограничений. Осознавая тот факт, что потребление в основном осуществляется средним классом, она продавала предметы популярной культуры на доступном для них уровне. Другими словами, они попытались адаптировать популярную культуру не в ее нынешнем виде, а на рыночной основе, и добились успеха.

Для того чтобы японская популярная культура пользовалась успехом на других рынках, японские и местные компании сотрудничают в переводе продукции на родной язык страны. Японский бум популярной культуры оказал исключительно положительное влияние на имидж и идентичность страны. Это объясняется тем, что Япония экспортирует тщательно отобранный образ, который она хочет продемонстрировать всему миру. Этот образ фокусируется на поверхностных аспектах популярной культуры и национальной идентичности.[5]

Еще один успех Японии в культурном экспорте заключается в устранении языкового барьера. Это облегчило распространение и перенимание культуры другими странами. Кроме того, Япония использовала элементы популярной культуры для создания японской идентичности на международном уровне. Можно сказать, что эта идентичность представляет собой поддержание сохранившихся традиций, но можно также считать, что она представляет собой уникальную японскую культуру, отличную от западной.

Япония приложила усилия для развития популярной культуры на местном низовом уровне, что отличается от популярной культуры западного типа, которой обычно управляют крупные корпорации. Расширяя местные и национальные рынки, прежде чем экспортировать свою продукцию в другие страны, японские компании определили, что работает на их внутренних рынках, прежде чем выходить на международные рынки.[6]

Как видно, аутентичность элементов японской культуры обеспечивается за счет местных рынков. Можно сказать, что стратегия Японии отличается от западной тем, что позволяет не пренебрегать национальным рынком и сохранять местные элементы. Видно, что уже существующие культурные объекты реконструируются в более широком масштабе и представляются на внутреннем и внешнем рынках.

Инициатива «Прохладная Япония»: Политика «Прохладной Британии» в Великобритании стала источником вдохновения для нынешней политики Японии, связанной с движением «Прохладная Япония». Прошло более десяти лет с тех пор, как идея «Прохладной Японии» была впервые предложена, стала политикой кабинета министров и постепенно внедрялась в Японии. Широкое понятие «Прохладная Япония» охватывает все аспекты японской культуры, от субкультурных продуктов, таких как манга и японская анимация, до традиционного культурного наследия.[7]

В развитии и распространении японской культурной индустрии можно усмотреть государственную поддержку. Эту ситуацию можно рассматривать как часть политики Японии, разработанной для того, чтобы быть влиятельной страной на других континентах. Она также показывает, какое значение Япония придает своему имиджу на международной арене. Подобно усилиям по адаптации японской культуры к языкам и экономическим классам других стран, они также интегрировали политику Соединенного Королевства в Японию. Эта инициатива способствует популяризации японской культуры на Западе, а также приносит экономическую выгоду.

[1] Mouer R, Norris C. Exporting Japan's culture: From management style to manga. In: Sugimoto Y, ed. The Cambridge Companion to Modern Japanese Culture. Cambridge Companions to Culture. Cambridge University Press; 2009:352-368.

[2] Так же.

[3] Times, J. (2024, June 8). Japan to boost support for anime and manga exports. The Japan Times. <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/06/08/japan/japan-manga-anime-export/>, (Дата Обращения: 23.12.2024).

[4] Lux, Gillianne, "Cool Japan and the Hallyu Wave: The Effect of Popular Culture Exports on National Image and Soft Power" (2021). East Asian Studies Honors Papers. 3. https://digitalcommons.ursinus.edu/eastasia_hon/3

[5] Так же.

[6] Otmazgin, Nissim Kadosh. Regionalizing Culture: The Political Economy of Japanese Popular Culture in Asia. University of Hawai'i Press, 2014. JSTOR, www.jstor.org/stable/j.ctt6wqw63

[7] Cool Japan Strategy-Cabinet Office Home page. (n.d.). Cabinet Office Home Page. https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/index-e.html, (Дата Обращения: 23.12.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

На пороге ли приток турок в США после победы Трампа?

Ali Caner İNCESU

5 ноября 2024 года кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп победил на президентских выборах в Соединенных Штатах Америки (США). Трамп, занимавший пост президента США в 2017–2021 годах, выделялся в мировом общественном мнении, особенно своей антииммигрантской политикой. Администрация Трампа внесла радикальные изменения в иммиграционную политику, что ознаменовало начало очень беспокойного периода для иммигрантов.

Среди заслуживающих внимания антииммигрантских мер, принятых во время президентства Трампа, — лишение жертв домашнего насилия права просить убежища, увеличение срока ожидания для получения разрешения на работу со 150 до 365 дней после принятия прошения об убежище судебными органами США, проведение процесса получения убежища в Мексике вместо границ США, а также отказ в выдаче разрешения на работу тем, кто въехал в страну нелегально.

Еще одной антииммиграционной политикой администрации Трампа, вызвавшей реакцию в мировом общественном мнении, стали ограничения на поездки в некоторые мусульманские страны. Эти ограничения в отношении стран с мусульманским большинством, таких как Иран, Ливия, Сирия, Судан и Йемен, часто описывались как «антиисламские» и «дискриминационные» религиозными общинами, пострадавшими странами и международными организациями.[1]

После избрания Джо Байдена на пост президента США в 2021 году большинство ограничений, введенных в отношении иммигрантов в эпоху Трампа, были отменены. Это изменение облегчило процесс принятия решений для людей, планирующих получить убежище в США. Можно утверждать, что иммиграционная политика времен Байдена создала более благоприятные условия для многих групп иммигрантов, включая турок.

Начиная с 2021 года, рост числа турок, ищущих убежища в США, подтверждает эту ситуацию. Если в 2021 году число турок, дезертировавших в США, составляло 4 989 человек, то в 2022 году это число достигло 19 470 человек.[2]. В 2023 году число турецких просителей убежища составило 18 986 человек, а в 2024 году — 13 311 человек.[3]. Число турок, въезжающих в США через мексиканскую границу, превысило 40 000 человек.[4]. Можно сказать, что иммиграционная политика времен Байдена сыграла важную роль в процессе миграции турок в США.

Переизбрание Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2024 году вызвало серьезную обеспокоенность среди мигрантов.[5]. Его заявления во время предвыборной кампании о том, что он вновь начнет проводить жесткую политику, которую проводил в прошлом, усилили ожидания того, что до его вступления в должность 20 января 2025 года на границе США будет наблюдаться интенсивный поток турецких мигрантов.[6]. Такое поспешное поведение мигрантов связано с опасением, что ограничения прошлого будут введены вновь.

Эта потенциальная миграционная волна, вероятно, превысит вместимость лагерей для мигрантов на границе с США, создав кризисную ситуацию. Более того, предполагается, что интенсивное рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища создаст серьезную нагрузку на иммиграционные суды США. Вполне возможно, что ожидаемое движение мигрантов приведет к непредвиденным последствиям не только в США, но и на мексиканской стороне границы. Особенно учитывая эффективную роль мексиканских картелей в пересечении американо-мексиканской границы, можно предположить, что большое количество мигрантов, которое, как ожидается, скопится на севере Мексики к моменту вступления Трампа в должность президента, может привести к нестабильности в регионе.

Жесткая политика Трампа в отношении иммигрантов продолжает оказывать глубокое воздействие не только на отдельных людей, но и на международные отношения и социальную динамику Соединенных Штатов. Иммиграция остается важным вопросом, который будет определять будущие администрации США и их международную репутацию. Особенно для турецких иммигрантов тот факт, что относительно благоприятные условия, созданные администрацией Байдена, вновь станут сложными при администрации Трампа, является предвестником трудностей, с которыми иммигранты столкнутся в ближайшие годы. Это может привести не только к отдельным трагедиям, но и к росту гуманитарных кризисов на американо-мексиканской границе.

В заключение следует отметить, что иммиграционная политика Дональда Трампа повлияла не только на жизнь мигрантов, но и на мировое восприятие США и их позиции в отношении прав человека. Хотя отказ Джо Байдена от этой политики принес облегчение иммигрантам, прогнозируется, что с переизбранием Трампа на пост президента для них снова начнется сложный период. Повышенный интерес турецких граждан к США и мобильность на мексиканской границе показывают, что иммиграционная политика США — это не только локальная, но и глобальная проблема.

[1] "U.N. Rights Chief Says Trump's Travel Ban Is Illegal", Reuters, <https://www.reuters.com/article/usa-trump-immigration-un-idINKBN15E1SV/>, (Erişim Tarihi: 26.11.2024).

[2] "U.S. Border Patrol and Office of Field Operations Encounters by State, 2024", U.S. Customs and Border Protection, www.cbp.gov/newsroom/stats/nationwide-encounters, (Erişim Tarihi: 26.11.2024).

[3] Aynı yer.

[4] Aynı yer.

[5] Montoya-Galvez, Camilo, and Suvro Banerji. "They're Very Scared: Migrants Anxiously Monitor U.S. Election, Fearing Trump Win", CBS News, <https://www.cbsnews.com/news/migrants-anxiously-monitor-u-election-fearing-trump-win/>, (Erişim Tarihi: 26.11.2024).

[6] "Trump Says Immigrants Are 'Poisoning the Blood of Our Country.' Biden Campaign Likens Comments to Hitler", NBC News, www.nbcnews.com/politics/2024-election/trump-says-immigrants-are-poisoning-blood-country-biden-campaign-likens-rcna130141, (Erişim Tarihi: 26.11.2024).

ANKASAM АНАЛИЗ

Балансирующий акт в Юго-Восточной Азии: Сотрудничество Китая и Вьетнама

Berra KIZILYAZI

Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама То Лам встретился в четверг в Ханое с министром обороны Китая Донг Чжуном. По сообщению агентства Синьхуа, Донг и сопровождающая его делегация приняли участие в большом собрании по случаю 80-й годовщины основания Вьетнамской народной армии. Вьетнам придает большое значение поддержке Китая в процессе национального освобождения, национальной независимости и социалистического строительства в стране и рассматривает развитие дружественных отношений с Китаем как стратегический выбор и приоритет в своей внешней политике. Донг отметил, что китайская сторона ценит традиционную дружбу между двумя странами и двумя армиями и готова следовать указаниям консенсуса, достигнутого высшими руководителями двух стран, углублять практическое сотрудничество с вьетнамской стороной в различных областях, включая морскую безопасность, укреплять стратегическое взаимное доверие между армиями, способствовать постоянному развитию взаимных отношений и совместно защищать региональный мир и стабильность.[1]

На встрече подчеркивались дружественные и взаимовыгодные отношения, а также цель поддержания региональной стабильности посредством сотрудничества в области обороны и безопасности. В то время как Китай развивает свои отношения со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Вьетнам играет активную роль в установлении баланса и стабильности в регионе, расширяя свои исторические и геополитические отношения с Китаем, одной из великих мировых держав, в области обороны и безопасности. Подписанный 25 июня Всеобъемлющий экономический диалог стратегического партнерства США-Вьетнам (CSPED) и достигнутые с Китаем соглашения о сотрудничестве в области безопасности свидетельствуют о стремлении Вьетнама к многосторонней внешней политике. Вьетнам стремится поддерживать взаимное доверие в регионе с Китаем, получая при этом выгоду от американских технологий. Таким образом, Вьетнам взял на себя роль ключевого игрока в регионе Юго-Восточной Азии и при этом придерживается многосторонней стратегии балансирования в соответствии с целями защиты своих национальных интересов.

Внешнеполитическая стратегия Вьетнама в отношении стран АСЕАН также важна с точки зрения регионального сотрудничества и многостороннего подхода. Нейтральные отношения Вьетнама с США и Китаем эффективно поддерживают нейтралитет АСЕАН. Расширение сотрудничества Вьетнама с США в таких областях, как оборона и технологии, открыло странам АСЕАН путь к сотрудничеству с США. Кроме того, Вьетнам помог АСЕАН сформулировать стратегию сохранения нейтралитета на международной арене, где все еще продолжается соперничество между Китаем и США. Вьетнам укрепил свои экономические связи с Китаем, сохранив при этом сотрудничество с США в сфере безопасности. Такой подход послужил примером для АСЕАН в проведении аналогичной политики. Таким образом, хотя АСЕАН и смогла развить стратегические отношения с США, она не выступила против Китая. В частности, сбалансированная позиция по таким чувствительным вопросам, как Южно-Китайское море, позволила АСЕАН выстроить конструктивные отношения с Китаем и США. В этом контексте видно, что Вьетнам, взявший на себя ведущую роль в обеспечении регионального баланса сил с помощью многосторонней дипломатии, занимает важное место не только в АСЕАН, но и на международном уровне.

Дин Дуо, заместитель директора Института морского права и политики Китайского института исследований Южно-Китайского моря, сказал Global Times, что позитивное взаимодействие между двумя военными с начала этого года продемонстрировало высокий уровень политического взаимного доверия, показав региональному и международному сообществу, что Китай и Вьетнам могут эффективно управлять и решать морские разногласия и совместно поддерживать региональный мир и стабильность. В нынешней международной обстановке, характеризующейся ростом неопределенности, китайско-вьетнамское сотрудничество служит стабилизирующим фактором. Военное сотрудничество и сотрудничество в области безопасности между Китаем и Вьетнамом не направлено против какой-либо третьей стороны».[2]

11-12 апреля 2024 года под председательством министра обороны Вьетнама генерала Фан Ван Гианга и его китайского коллеги Донг Чжуна состоялась восьмая дружественная встреча по вопросам пограничной обороны между Вьетнамом и Китаем. По итогам переговоров был подписан меморандум о взаимопонимании по созданию телефонной линии между военно-морской службой Министерства национальной обороны Вьетнама и командованием Южного театра Народно-освободительной армии Китая.[3]

Это событие указывает на более конструктивные и мирные отношения между двумя странами. Такое развитие событий важно для обеспечения взаимного доверия, сотрудничества в области безопасности границ, поиска решений для устранения напряженности и создания надежной среды для диалога. Кроме того, видно, что китайско-вьетнамское сотрудничество служит примером для других стран региона в плане развития сотрудничества в области безопасности и обороны и обеспечения мер по укреплению доверия для стабильности регионального мира.

20 августа 2024 года министр национальной обороны Китая Донг Цзюнь встретился со своим вьетнамским коллегой Фан Ван Гиангом в Пекине, где Донг подчеркнул, что военные двух стран должны активизировать усилия по повышению качества и эффективности сотрудничества. Донг отметил, что необходимо приложить усилия для сохранения динамики сотрудничества в различных областях, включая подготовку личного состава, совместные учения и международное сотрудничество, одновременно расширяя новые области для достижения более практических результатов. [4] Эта встреча, как и другие встречи, имеет решающее значение для углубления сотрудничества в области безопасности как Вьетнама, так и региона, для проведения АСЕАН более нейтральной и гибкой политики в отношении крупных держав, а также для баланса и политики безопасности между странами. Кроме того, растущее влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе усилилось благодаря подобным соглашениям и переговорам и способствовало развитию и безопасности многих стран региона, таких как страны АСЕАН. Сотрудничество Вьетнама с США и Японией проложило путь к многосторонним соглашениям по безопасности для обеспечения регионального мира и расширения многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, последняя встреча между Китаем и Вьетнамом имеет стратегическое значение с точки зрения углубления военного сотрудничества между двумя странами и обеспечения взаимного доверия в результате предыдущих встреч. Придерживаясь принципа нейтралитета, сотрудничество Вьетнама с Китаем, основанное на безопасности, предлагает как региональную стабильность, так и дипломатическое решение потенциальной напряженности. Китайско-вьетнамское сотрудничество также играет важную роль в создании баланса между международными организациями и великими державами. Сотрудничество Вьетнама с Китаем и стратегические связи с Соединенными Штатами позволили ему поддерживать региональную стабильность и национальные интересы с помощью многосторонней дипломатии. Таким образом, Вьетнам позиционируется как противовес между великими державами.

[1]. Генеральный секретарь партии Вьетнама встретился с министром обороны Китая на фоне высокого уровня политического взаимодействия», Global Times, <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325481.shtml>, (Дата доступа: 20.12.2024).

[2]. Там же.

[3]. Восьмой вьетнамо-китайский пограничный обмен дружбы обороны завершился успешно, Социалистическая Республика Вьетнам, Министерство национальной обороны, <https://mod.gov.vn/en/event/detail?current=true&urile=wcm:path:/mod/sa-mod-en/sa-en-news/sa-en-news-rela/the-eighth-vietnam-china-border-defense-friendship-exchange-concluded-successfully>, (Дата доступа: 20.12.2024).

[4]. Китайский министр обороны встретился с вьетнамским коллегой», Агентство новостей Синьхуа, <https://english.news.cn/20240820/404afd7760a449feb99933917ac01aa0/c.html>, (Дата доступа: 20.12.2024).

ANKASAM В СМИ

24 декабря 2024

Президент ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин ЭРОЛ в эфире телеканала TV Net!

24 декабря 2024

Президент ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин ЭРОЛ в эфире Habertürk TV!

25 декабря 2024

Президент ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин ЭРОЛ в эфире радио TRT Голос Турции!

26 декабря 2024

Президент ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин ЭРОЛ в эфире радио TRT Анкара!

В издательском органе ANKASAM вышел в свет последний номер Международного журнала кризисных и политических исследований, который входит в список международных рецензируемых журналов. Пройдя по ссылке ниже, вы можете получить доступ к журналу в серверах базы данных Academic Keys, ASOS INDEX, CEEOL, Cite Factor, DRJI, INDEX COPERNICUS, IDEAL ONLINE, RESEARCH BIBLE, Sindex и Tübitak Dergipark.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТОМ VIII, ВЫПУСК I

Опубликован последний номер Журнала Региональных Исследований, который является международным рецензируемым журналом Анкарского центра исследований кризисных ситуаций и политики (АНКАСАМ). Пройдя по ссылке ниже, вы можете получить доступ к журналу в серверах базы данных Academic Keys, ASOS Index, CEEOL, Cite Factor, DRJI, Index Copernicus, Ideal Online, Research Bible, Sindex и TÜBİTAK DERGİPARK

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ АНКАСАМ ТОМ VIII, НОМЕР I

Журнал региональных исследований

